

ЦЭНТР ЕЎРАПЕЙСКАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ
CENTRE FOR EUROPEAN TRANSFORMATION

Представления беларусов о правах человека и правозащитной деятельности

Отчет по результатам исследования

Центр европейской трансформации

Исследование выполнено по инициативе беларусских правозащитных организаций

http://cet.eurobelarus.info

Авторы:

Оксана Шелест

Андрей Егоров

Центр европейской трансформации
Минск, Беларусь

cet@eurobelarus.info
cet.eurobelarus.info
+375 29 6185388

 Facebook Twitter VKontakte

Оглавление

Методическая часть

В соответствии с техническим заданием, целью исследования было выявление представлений, существующих в беларусском обществе, о взаимоотношениях человека и государства, правах человека и правозащитной деятельности. В качестве метода исследования был выбран метод фокус-групповых интервью, позволяющий выявить не только точки зрения и мнения людей, но и основания, на которых они строятся. Основная гипотеза состояла в том, что представления и установки беларусов по интересующим нас вопросам отличаются в зависимости от того, в каком отношении к государственной системе находится их социальная группа. Исходя из этого, были выделены четыре социальные группы, из которых набирались участники для проведения фокус-групп, а именно:

1) **студенты**;
2) **работники бюджетной сферы**;
3) **предприниматели**;
4) **государственные чиновники и служащие**.

В качестве дополнительных были поставлены задачи соблюдения баланса в формировании фокус-групп основных социодемографических характеристик (пол и возраст), а также возможности анализа по параметру «центр-периферия».

К сожалению, собрать государственных чиновников и служащих для проведения фокус-групп не удалось. Даже через личные контакты не удалось получить согласие на участие ни одного чиновника среднего уровня. Закрытость этой группы была вполне прогнозируемой, однако расчет строился как раз на возможностях преодоления уровня недоверия через приглашения к участию в исследовании лично знакомых людей. Можно предполагать, что дополнительными «негативными» факторами в этой ситуации стали сама тематика исследования и начинающаяся предвыборная кампания, во время которой правила внутренней дисциплины в госаппарате, как правило, еще больше ужесточаются. Приходится признать, что эта группа остается по-прежнему закрытой для любых типов социологических исследований (по крайней мере, для независимых служб и организаций). Возможно, более эффективный результат может дать использование менее «публичных», но, в то же время, индивидуализированных (качественных) методов (например, глубинное интервью).

Оптимальный размер фокус-групп был определен в рамках 6-10 человек. В результате совмещения всех требований, был выработан следующий дизайн состава фокус-групп:

Категория «студенты»:

- студенты ВУЗов и ССУЗов: возраст — до 30 лет, пол — мужской (Минск);
- студенты ВУЗов и ССУЗов: возраст — до 30 лет, пол — женский (Минск);
- студенты ВУЗов и ССУЗов: возраст — до 30 лет, сбалансированность по полу (Могилев).

Категория «работники бюджетной сферы»:

- работники бюджетной сферы: возраст — до 40 лет, сбалансированность по полу (Минск);
- работники бюджетной сферы: возраст — от 40 лет, сбалансированность по полу (Минск);
- работники бюджетной сферы: возраст — от 25 до 60 лет, сбалансированность по полу (Могилев).

Категория «предприниматели и самозанятые»:

- бизнесмены, индивидуальные предприниматели, другие самозанятые: возраст — до 40 лет, сбалансированность по полу (Минск);
- бизнесмены, индивидуальные предприниматели, другие самозанятые: возраст — от 40 лет, сбалансированность по полу (Минск);
- бизнесмены, индивидуальные предприниматели, другие самозанятые: возраст — от 25 до 60 лет, сбалансированность по полу (Могилев).

Отбор участников для проведения фокус-групп проводился в основном по сетевому принципу (поиск людей, подходящих под заданные характеристики, через знакомых; на следующем этапе — через их знакомых и т.д.). Поскольку начало поиска было задано, как минимум, через шаг от участников самой исследовательской группы, это позволило обеспечить достаточно разнообразный (в том числе, по вовлеченности в общественную или политическую деятельность) состав фокус-групп. Были испробованы и некоторые другие способы поиска людей для участия в исследовании в качестве респондентов: через социальные сети, через визиты в непосредственные «места скопления» искомых категорий (например, рынки, больницы, школы), однако они дали минимальный результат. Всего было проведено **9 фокус-групп**; общее количество респондентов, принявших участие в исследовании: **60 человек**. Распределение по основным контролируемым социально-демографическим характеристикам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографический состав фокус-групп

	Студенты		Бюджетники		Предприниматели	
	М	*Ж*	*М*	*Ж*	*М*	*Ж*
До 40 лет	9	11	3	7	7	6
Старше 40 лет	—	—	2	9	4	2

Гайд, разработанный для проведения фокус-групп, содержал три крупных блока вопросов:

1. **Взаимоотношения гражданина и государства** (идеальные представления и характеристика беларусской ситуации);
2. **Права человека** (знания и представления о правах человека в целом, понимание смысла и происхождения, допустимые границы в расширении и ограничении прав человека, оценка ситуации в Беларуси);

3. **Правозащитная деятельность** (знания и представления, оценка, характеристика беларусской ситуации, представления о роли международного сообщества и надгосударственных механизмов регулирования в сфере прав человека).

Полная версия гайда содержится в **Приложении 1**.

При программировании исследования предполагалось (и эта гипотеза, в целом, подтвердилась), что:

а) исследуемый круг вопросов не является актуализированным в практиках и представлениях респондентов;

б) уровень компетентности респондентов по обозначенным вопросам не очень высок. Этот факт, в том числе, объясняет низкую степень различий в представлениях между участниками фокус-групп с разными социально-демографическими характеристиками. На такие отличия обращается дополнительное внимание в описании результатов исследования.

Основным дискурсивным приемом, заложенным в сценарий проведения фокус-групп, было взаимное выворачивание общенормативных представлений о правах человека и субъективно-поведенческих установок респондентов. В тех случаях, когда разрыв между транслируемой нормой и реальным поведением человека был слишком велик, приходилось отказываться от данной техники. Дистанция между идеальными представлениями и жизненной практикой людей могла привести к сильным эмоциональным переживаниям и проблематизации слишком высокого порядка, что в формате данного исследования было недопустимо.

Исследование было проведено в период: **апрель-июнь 2012 года**.

Основные результаты исследования

1. Представления о государстве, гражданстве, отношениях человека и государства

Для раскрытия представлений о государстве и характеристик отношений «индивид-гражданин-государство» в ходе исследования использовались следующие критерии измерения:

- качественная характеристика отношений между человеком и государством (нормативное представление о «должном» характере этих отношений и оценочные характеристики реализации их в Беларуси);
- содержательная характеристика взаимных обязательств гражданина и государства, степень релятивизма в исполнении установленных обязательств;
- реконструкция представлений о характере и механизмах реализации государственной власти;
- величина и характеристики дистанции между человеком (гражданином) и государством.

Отметим сразу, что вопросы о характере взаимоотношений между человеком (гражданином) и государством оказались одними из самых труднораскрываемых в ходе фокус-групп. Одним из факторов здесь выступает чисто технологический момент реализации фокус-группового метода (этот блок обсуждался первым, т.е. при «неразогретости» группы), однако вряд ли этот фактор можно считать решающим. Для проверки его значимости в двух фокус-группах был изменен порядок проведения таким образом, что этот блок оказался последним, однако эффект можно оценить как незначительный. Характер обсуждения, длинна пауз, способ переинтерпретации вопросов говорит о том, что диада «гражданин-государство» для большинства респондентов является абстрактной конструкцией и нужно потратить достаточно много времени и усилий, чтобы начать себя с ней соотносить.

Характеристики отношений между человеком и государством в Беларуси, которые давались в ходе исследования, можно свести к нескольким группам:

- «далекие», «отдаленные», «отчужденные», «автономные»;
- «вертикальные», подавляющие (*«Государство — всё, человек — ничто»*; *«Личность и человек полностью подчинены интересам государства»*), «патриархальные», «патерналистские»;
- «осторожные», «непредсказуемые» и даже «напряженно-таинственные».

Достаточно часто респонденты вообще не могли дать никакой характеристики, например:

> *«Просто разные вещи: человек — это одно, а государство — это другое. Они у меня в разных плоскостях находятся»*.

Формальность характеристик или невозможность охарактеризовать отношения «гражданин-государство» чаще всего связана с тем, что у участников нет четкого представления о том, что вкладывается в смысл понятия «государство». В ходе фокус-групповых дискуссий выдвигались разные версии того, с чем и с кем

именно выстраиваются отношения человека (гражданина): *«с властью»*, *«с правящей элитой»* или *«с законом»*. В фокус-группах, проведенных со студентами, возникло несколько дискуссий, связанных с определением понятий, из которых можно сделать вывод, что представления о различиях и соотношении между государством и властью, властью и политикой, политикой и управлением (даже страной и государством) у многих студентов (особенно гуманитариев, что в принципе не удивительно) весьма противоречивы. Вообще, представления о государстве и соотнесение государства с человеком — один из самых запутанных для участников вопросов. С одной стороны, существует установка на то, что *«все мы живем в государстве»* и *«нельзя быть независимым от государства»*, с другой — размытость и неоформленность представлений о том, в чем эта зависимость выражается. Достаточно интересны различия в персонализации «государства» между разными группами. Для студентов это скорее *«власть»*, для бюджетников — *«чиновники»*, для предпринимателей — вся *«система управления»* и *«бюджетная сфера»*. При этом на прямой вопрос «Кого мы имеем в виду, когда говорим «государство»?» наиболее часто встречается ответ, отсылающий к президенту страны (вне зависимости от социальной группы).

Одним из сущностных проявлений предоставлений о государственной системе являются **вопросы взаимных обязательств и ответственности**. Опрос НИСЭПИ, проведенный в марте 2012 года с использованием классической методики Юрия Левады, показал, что почти 70% беларусов считает, что граждане Беларуси выполняют свои обязанности перед государством, и только чуть более 30% — что беларусское государство выполняет свои обязательства перед гражданами. Фокус-групповой метод не претендует на репрезентативность, однако в данном случае «по ощущениям» результаты НИСЭПИ совпадали с распределением мнений участников исследования. При этом представления о том, а в чем же состоят взаимные обязательства граждан и государства, весьма неоднородны. Уплата налогов — это практически единственное обязательство граждан, про которое вспоминали в ходе всех фокус-групп; в разных вариантах и комбинациях встречаются такие обязательства, как *«соблюдение законов»*, *«оплата проезда в транспорте»*, *«соблюдение правил дорожного движения»*, *«участие в выборах»*, *«работа на благо государства»*. Примечательно, что *«служба в армии»* ни разу не была упомянута без наводящих вопросов.

Набор обязательств государства по отношению к гражданам, называемый респондентами, также довольно широк: *«образование и защита»*, *«чистота и безопасность»*, *«обеспечение социального пакета»*, *«прозрачность, управляемость, сменяемость власти»*, *«главенство закона»*, *«обеспечение правил игры»*. При этом есть существенное различие в оценке исполнения государством разных типов обязательств: большинство из среднеобеспеченных участников (насколько можно судить по косвенным признакам) считают, что обеспечение минимального социального пакета можно поставить в заслугу государству, в то время как представители низкооплачиваемых профессий более критичны в оценках по этому параметру. Обязательства же по обеспечению законности, прозрачности управления, обеспечения свобод там, где они назывались, характеризовались как невыполняемые государством.

Как уже говорилось выше, респонденты по большей части высказывали мнение, что беларусские граждане в основном выполняют свои обязательства по отношению к государству. Для измерения уровня релятивизма в отношении гражданских обязательств в ходе фокус-групп обсуждались вопросы о приемлемости и допустимости таких нарушений гражданских обязательств, как уклонение от уплаты налогов, уклонение от службы в армии и т.д. Если судить по проведенным фокус-группам, большинство современных беларусов готовы оправдать любое нарушение *«гражданского долга»* с помощью целого

ряда аргументов из разных плоскостей: начиная от примата интересов личности над интересами государства и заканчивая отсутствием легитимности действующей власти, а значит, необязательности выполнения гражданами обязательств перед ней. Наиболее же распространенным аргументом (особенно по вопросам уклонения от службы в армии и от налогов) является низкая оценка эффективности и рациональности установившейся системы отношений. Например, логика рассуждения при ответе на вопрос, можно ли считать допустимым уклонение от службы в армии, строится следующим образом: конечно, служба в армии — это гражданский долг, но беларусская армия неэффективна, неправильно устроена, недееспособна, кроме того, *«ничему хорошему там не учат»*, а значит, уклонение от службы в армии — вполне рациональный поступок. По сходной схеме строится «апологетика» для тех, кто уклоняется от налогов: безусловно, надо платить налоги, это формирует бюджет, но размер и система сбора налогов такова, что если платить все честно, то *«останешься без штанов»*, значит, от налогов уклоняться не только можно, но и нужно. Отметим, что такого рода рассуждения характерны не только для индивидуальных предпринимателей и самозанятых, но и для бюджетников (первой реакцией которых на вопрос о допустимости уклонения от уплаты налогов было грустно-агрессивное: к нам это не относится — попробуй тут уклонись!). Дополнительный (хотя и достаточно редко встречающийся) аргумент в этом вопросе — это непрозрачность системы распределения бюджетных средств (рассуждения, типа: если бы знать, что мои деньги пойдут на школы и больницы, а не на милицию и чиновников, то было бы больше смысла платить налоги).

Несколько парадоксальным образом строятся представления об ответственности граждан в рамках страны и государства. Абсолютное большинство участвовавших в исследовании соглашалось с тем, что *«мы отвечаем за то, что происходит в нашей стране»*, однако гораздо меньше участников обсуждения чувствуют ответственность за действия правительства. Довольно часто встречались суждения, типа: *«Мы, конечно, должны отвечать за действия правительства, но не отвечаем»*. В качестве причин такой «безответственности» приводились принципиальная неспособность человека отвечать за действия государственной машины, отсутствие механизмов влияния, отсутствие выборов (при этом, *«отвечая за всё, происходящее в стране»*, за *«отсутствие выборов в Беларуси»* никто отвечать не готов). Другой тип представлений — это приписывание верховной власти ответственности за все происходящее и в нормативном, и в реализационном пространстве. Он встречался во время исследования значительно реже, однако присутствовал во всех социальных и возрастных группах.

Еще одна характеристика представлений о государстве вытекает из рассуждений участников об основаниях и мотивах, которыми руководствуются беларусские государственные служащие при принятии решений. Наиболее часто встречаемая реакция на этот вопрос — эмоциональные закатывания глаз и высказывания, типа: *«Мы бы и сами хотели это знать»*. Содержательные ответы сводятся к нескольким вариантам: руководствуются *«государственным интересом»* (попытки модератора глубже разобраться с механизмом формулирования этого интереса к успеху не привели); руководствуются *«приказами сверху»* (*«сверху»* — в данном случае, имеет разное значение: от президента до непосредственного начальства).

В целом, типологизируя комплекс представлений о гражданстве и государстве, можно выделить три основных типа отношений «человек-государство», наиболее ярко «проявившихся» в ходе фокус-групповых дискуссий:

1. **«Натуралистический» тип**: практически полное оестествление процессов формирования и функционирования государственной системы. Государство — это то, что существует всегда, само по себе и устанавливает законы для человека. Никакие представления о гражданстве в рамках этого типа невозможны, однако и представления о подданстве здесь не присутствуют. Человек скорее приспосабливается к государству как к некому явлению природы, должен считаться с ним, независимо от отношения и понимания происходящего. Государство, в этом смысле, загадочно и непостижимо, непредсказуемо и нерационализируемо. Личностная стратегия выстраивания отношений в этом случае всегда строится как стратегия выживания, однако, при этом, это один из самых психологически комфортных нормативных комплексов, поскольку условия выживания не так уж брутальны, а сфера ответственности человека сведена к минимуму. В выраженном виде такой тип представлений проявляется не так часто, однако встречается среди всех возрастных и социальных групп.

2. **Позднесоветский тип**: государство есть машина осуществления властных отношений, причем источники легитимности этой власти весьма сомнительны. Власть (а значит, и государство) имеет собственные интересы, жители (вряд ли тут применимо слово «граждане») живут своими интересами и потребностями. При этом обеими сторонами декларируется некая общность идеологии, целей, ценностей и т.д., существующих только на уровне риторики. Основной стратегией выстраивания отношений остается приспособление и следование «негласному договору», оставшемуся неизменным с советских времен: «Мы не высовываемся, а вы нас не трогаете». В этой системе, чем дальше от любых государственных дел и вопросов, тем лучше. В сфере взаимных обязательств гражданина и государства действует принцип взаимного лукавства (в терминах Юрия Левады): мы готовы мириться с тем, что государство не выполняет своих обязательств, в обмен на то, что оно закрывает глаза на невыполнение нами своих. Отличительной чертой этой модели является то, что все перечисленные установки не просто реализуются, но осознаются и вполне открыто высказываются.

3. **Демократически ориентированный тип**: основан на представлениях о правовом государстве и знаниях о демократических процедурах формирования и функционирования государственной власти и управления. Эти знания и представления, хотя и носят зачастую частичный и противоречивый характер, задают модель для критики существующей в Беларуси государственной системы, оценки ее на соответствие нормативным представлениям. Однако реализационного (поведенческого) воплощения этот тип чаще всего не имеет, поскольку либо транслируется формально-декларативно, либо «здравомыслие» его носителей не позволяет вести себя в соответствии со своими представлениями даже в локальных ситуациях (действует формула: так правильно, но вы же понимаете, что в нашей ситуации это невозможно).

2. Знания и представления о правах человека

2.1. Права человека: понятие и источники

Само словосочетание «права человека» иногда кажется респондентам настолько очевидным, что смысл его ускользает. Поэтому первый же вопрос, который задавался в этом блоке: «Что такое права человека?», вызывал зачастую растерянность и недоумение. Наиболее частый способ определения прав человека — через характеристики их «естественности» и «всеобщности»:

> *«Если ты человек, у тебя есть эти права априори. Ты человек и у тебя есть права человека, вот они. А все остальные права — они как раз таки даются»*; *«Права человека бывают разные: естественные права, например, существуют...»*; *«Это права, которыми наделен каждый человек, вне зависимости от его свойств и качеств»*.

Однако часто встречаются и иные варианты рассуждений и попытки определения прав человека, например, через свободу и возможности:

> *«Я думаю, это степень свободы, которая есть у человека. Это как пирамида Маслоу: сначала идет право на жизнь, затем — право на образование и в конце — как в Штатах, право на однополые браки»*; *«Права человека — это, скорее, реализация возможности действовать и получать блага в рамках закона и практики общественных отношений»*,

или через отношения человека и государства:

> *«Это определенные гарантии со стороны государства к человеку»*; *«Это минимальный набор первоочередных возможностей, которые человеку должны гарантироваться конституционно: право на образование, например»*; *«Это возможности, которые предоставлены человеку в государстве и закреплены в законе. И человек выбирает: использовать ему это право или не использовать»*.

Отметим, что при ответе на этот вопрос ни разу не была упомянута Всеобщая декларация прав человека. Иногда она «появлялась» в ответах на следующий из задаваемых вопросов, но при попытке дать определение того, что такое права человека, ни один из респондентов на нее не сослался.

Довольно хаотичными выглядят и ответы на вопрос: «Какие права человека вы знаете?». Сразу отметим, что два раза в ходе фокус-групп были получены систематизированные ответы на этот вопрос (с перечислением основных категорий прав человека и примеров по каждой из категорий; один раз такой ответ был получен от преподавателя социальных и гуманитарных дисциплин, второй — от журналистки, быстренько проконсультировавшейся через *iPad* с «Википедией»). Наиболее творческие и, в то же время, наиболее противоречивые ответы на вопрос о правах человека были получены от студентов, у которых эта тема явно на слуху, поскольку так или иначе ее проходят в беларусских ВУЗах. Однако знания в этой группе опрашиваемых не систематизированы и поэтому студенты постоянно путаются аспекты исторического становления и актуального состояния прав человека, разные категории и их отличия и т.д. Наиболее часто в списке прав человека называлось, конечно же, право на жизнь (оно же признано и самым важным). Далее следуют право на образование и право на труд, свобода слова и свобода собраний. Этот набор назывался так или иначе на каждой фокус-группе, хотя и в разных, порой забавных, сочетаниях: так, право на труд иногда называлось вместе с правом на отдых. Гораздо реже упоминались права из категории гражданских прав. Кроме существующих, нередко назывались и вымышленные, не имеющие отношения к правам человека:

> «*Быть собой, в конечном итоге»*; *«Быть отличным от других: я могу ходить с ирокезом или еще с чем-то»* и т.д.

Практически невозможным для респондентов оказалось определить разницу между «правами» и «свободами» (позитивными и негативными правами). Иногда между этими двумя категориями ставится

знак равенства, но не часто. Большинство же людей чувствуют, что различие есть, но описать или сформулировать его не в состоянии:

> «*Права — это то, что у нас есть, т.е. право на жизнь: мы живем. А свобода — например, свобода самовыражения, т.е. я хочу самовыражаюсь, хочу не самовыражаюсь... Т.е. свобода больше от личности идет, личность пользуется теми или иными свободами, а права — это больше существование в мире, в социуме...*»; «*Из совокупности прав определяется та свобода, которую ты имеешь*»; «*Свобода — это то же самое право, но право на какое-то действия, т.е. человек свободен в определенных действиях: на самовыражение, например*»; «*Свобода лучше описывается непрерывной математикой, а право — дискретной. Право есть — есть. А свобода — могу так, могу так*».

Очевидно, что термин «свободы» в массовом сознании с правами человека никак не связан, он переинтерпретируется в общефилософское понимание свободы как отсутствия принуждения:

> «*Свобода — это более широкое понятие. Если у тебя есть свобода, то у тебя есть права. Т.е. это немножко разные понятия. Свобода — сама по себе шире. Т.е. свобода — это совсем абстрактное, философское понятие. Если про право можно сказать, что это право, потому что оно где-то прописано, то что такое свобода...*».

Однако попытки обсудить реализацию различных видов прав на другом материале, без использования противопоставления прав и свобод (на примере реализации права на труд), также не привели к пониманию различий между негативными и позитивными правами.

Не меньшие трудности вызвал вопрос об источниках прав человека. Разброс мнений по этому вопросу оказался весьма широк: от людей как источника прав человека, через общественный договор, историческое становление, государственную волю до Всеобщей декларации прав человека и ООН. При ответах на этот вопрос весьма показательным образом преломляются «заученные» формулы о «естественности» прав человека:

> «*Они* [*права человека*] *были изначально, просто человек научился их определять: осознал и дал определение. И теперь мы можем говорить об этом, как о праве. Оно же раньше тоже было, просто раньше его никто не называл правом*»; «*Права существуют как физические законы. Даже если закон не открыт и не назван чьим-то именем, он же всё равно существует. Так же и права. Может быть, есть какие-то еще права, о которых мы не знаем*»; «*Человек рождается с этими правами. Мы рождаемся и в процессе просто начинаем осознать, договариваться, формулировать и на бумажку их записывать*».

Очевидно, что формула «естественности» прав человека, которая является нормативным ориентиром, переинтерпретируется в «естественность», «природность» их происхождения. Это не было бы проблемой, если бы не задавало весьма определенную логику дальнейших рассуждений о правах человека, когда все недостатки в их реализации тоже выглядят «природными», а значит, не требующими вмешательства человека.

Роль государства в реализации прав человека также весьма неоднозначно описывалась участниками фокус-групп. Только небольшая часть согласилась с тем, что государство «*дает права человека*»,

остальные либо вообще не смогли ответить на этот вопрос, либо были склонны к той точке зрения, что государство скорее *«обеспечивает»* и *«гарантирует»* соблюдение прав человека, чем является их источником. При этом большинство респондентов не склонны приписывать государству и ответственность за соблюдение прав человека. Наиболее распространенной в этом вопросе является позиция, когда за соблюдение прав человека *«отвечают все»*, т.е. кто нарушил то или иное право, тот и отвечает:

> *«Взаимной должна быть ответственность: общества перед государством, государства перед обществом. Потому что, как мне кажется, государство за всем не уследит».*

Иногда здесь, опять же, вмешивается «концепция естественности прав человека»:

> *«Нет, однозначно, мне кажется, что тут даже те документы, которые приняты, и существующие организации — ни при чем. Не суть, если бы не было государства, не было бы ООН, то всё равно права человека тем или иным образом соблюдались бы. Это из здравого смысла исходит, что должны быть какие-то права, которые одинаковы у всех, которые есть у всех. Тут дело не в каких-то государственных структурах, дело не в каких-то организациях, а дело просто в том, что эти права есть и их невозможно отнять».*

Другой аспект несогласия с утверждением, что ответственность за соблюдение прав человека лежит на государственных органах, связан с постулированием своей гражданской позиции:

> *«Человек и сам должен защищать свои права, а не то, что, мол, так и должно быть. Человек и сам должен понимать нарушения своих прав. Нужно бороться за свои права»*; *«Не смотря на то, что я сказала, что, да, государства дает нам права... Но на этот вопрос я бы ответила «нет», потому что должно быть еще гражданское общество, которое несло бы ответственность в лице общественных организаций, отдельных деятелей и т.д., которые бы постоянно будоражили общество, постоянно заставляли бы государство обратить внимание на те или иные проблемы. И, тем самым, получается, отстаивались бы общественные интересы».*

Таким образом, можно констатировать, что уровень знаний респондентов о правах человека преимущественно невысок. Основная дифициентность этих знаний состоит в том, что права человека не воспринимаются как отдельная категория, имеющая совершенно определенный смысл и содержание. По большей части, респонденты (хотя и не сразу) вспоминают о существовании Всеобщей декларации прав человека, способны назвать некоторые виды прав или перечислить те из прав человека, которые они помнят (преимущественно, личные права и права социально-экономического блока). При обсуждении источников, гарантий, ответственности за соблюдение прав человека они смешиваются со всеми субъективными правами, которые предоставляются законом или правом. В представлениях участников фокус-групп категория прав человека практически неотличима от прав, предоставляемых человеку как участнику правовых отношений. Довольно сильно распространены представления о «естественности» прав (любых): они были и есть всегда, просто где-то соблюдаются, а где-то нет. Варианты представлений о государстве как источнике прав и общественном договоре, который заключается по поводу реестра прав, встречаются реже. Вообще, вопросы об источниках прав, обязанностей, государственной власти вызывают наибольшее количество затруднений. Практически отсутствует представление о том, что сфера прав человека — это сфера отношений гражданина и государства. Различения позитивных и негативных прав также нет.

2.2. Всеобщность прав человека, равенство и ограничения в реализации прав: трудности разведения

Утверждение о всеобщности прав человека, на которое сами же респонденты активно ссылались при попытке определить этот феномен, при ближайшем рассмотрении оценивается ими довольно критически:

> *«Утопические взгляды. Даже в том государстве, которое будет позиционировать себя как самое демократическое, правовое, всё равно есть люди, рождающиеся в трущобах, есть люди, рождающиеся с серебряной ложкой во рту»*; *«Естественно, влияет, где родился этот ребенок: в обычной семье, сельской семье или семье чиновника. Естественно, у ребенка чиновника будет больше возможностей себя реализовать. Будет больше прав»*.

Кроме социального неравенства, популярным аргументом, служащим «эмпирическим опровержением» утверждения о всеобщности прав человека, выступает наличие *«диких», «нецивилизованных»* стран, в которых реализация принципа всеобщности прав человека вообще невозможна. Таким образом, принцип всеобщности прав человека и формального равенства не рассматривается как идеал или принцип, к которому нужно стремиться. Чаще всего, всеобщность прав человека понимается в статусе объективного существования (права есть у всех), но интерпретируется как малодостижимая на практике (реальность опровергает всеобщность). Буквально два раза за время проведения фокус-групп респондентами обозначался правильный статус утверждения о всеобщем равенстве людей в правах.

Список критериев, которые могут служить причиной ограничения прав человека для отдельных личностей и случаев, достаточно широк и свидетельствует о богатой фантазии: в этот список попадают дети (ограничение избирательного права), заключенные, люди с психофизическими отклонениями, милиционеры и военнослужащие (которым запрещен выезд за границу), чиновники (запрет на разглашение информации как ограничение права на свободу слова), ситуации эпидемий (ограничение свободы передвижений) и т.д. Что касается ограничений прав человека по отношению к категории лиц, совершивших тяжелые преступления, большинство участников фокус-групп продемонстрировало высокую степень гуманизма, указывая на то, что, безусловно, права человека для этой категории должны быть ограничены (право на свободу передвижения, как минимум), однако ровно в тех рамках, которые определены законом. Безусловно, проблемным в этом обсуждении стал вопрос смертной казни как нарушения базового права — права на жизнь. Не смотря на то, что мнения по этому поводу высказывались разные, основная часть респондентов высказывается за отмену смертной казни в Беларуси. Можно сказать, что сторонников отмены смертной казни именно в Беларуси среди участников фокус-групп было больше, чем противников смертной казни как таковой. Результаты проведенных фокус-групп позволяют предполагать, что смертный приговор Владиславу Ковалеву и Дмитрию Коновалову оказал довольно сильное влияние на отношение беларусов к смертной казни: необратимость смертной казни при наличии возможности судебной ошибки или несправедливого суда выдвигается в качестве основного аргумента за отмену смертной казни, причем часто со ссылкой на этот конкретный прецедент.

Большую сложность при обсуждении вызывает удержание разницы между равенством в правах и равенством возможностей в реализации этих прав (например, когда выдвигается тезис, что *«у женщин меньше прав служить в армии»*, позиция обосновывается тем, что способ реализации этого права для женщин и мужчин достаточно сильно отличаются). Причем при обсуждении разных вопросов эта разница

удерживается с разной степенью строгости. Так, в ответах на вопрос «Есть ли категории людей, которым должно быть обеспечено больше прав?» большинство респондентов очень четко осознавали и артикулировали разницу между предоставлением дополнительных прав и созданием условий для реализации имеющихся прав. А вот при обсуждении вопросов распределения выпускников и гендерного равенства (т.е. конкретных тем) эта разница удерживалась с большим трудом.

Большинство респондентов считают, что для некоторых категорий должны создаваться специальные условия для более полной реализации их прав:

> *«Есть категории людей, которые подпадают под дополнительную соцзащиту: неполноценные семьи, инвалиды, сироты»*; *«Обязанность государства — прилагать больше усилий для того, чтобы создавать ту же безбарьерную среду, чтобы они* [*инвалиды*] *могли те же права реализовать. Нужно как-то к этому равновесию придти. Вот это — обязанность государства: дом, метро строить так, чтобы инвалиды могли спокойно в них попасть»*.

Отметим, что в ответе на этот вопрос назывались и другие категории, которым должно быть обеспечено *«больше прав»*:

> *«Допустим, защита свидетелей, им там больше обеспечивают право на жизнь, конечно. Старательнее»*; *«Канешне, калі гэты чалавек вучоны, разумны, працуець на карысць нашай дзяржавы, то яму абавязкова трэба стварыць вельмі добыя ўмовы для працы»*.

Однако наиболее распространенной является позиция, согласно которой не нужно ни для кого *«специальных прав»*, нужно только обеспечение условий для реализации имеющихся. Вопрос о необходимости специальных мер для реализации прав людей с инвалидностью показал, что эта тема достаточно актуализована в представлениях респондентов. Об этом свидетельствует тот факт, что участники фокус-групп не только высказывались за необходимость таких мер, но и проявляли некоторую информированность о том, в чем именно они должны заключаться.

Гораздо больше разногласий вызвало обсуждение вопроса о распределении. Отметим, что хотя вопрос ставился о распределении в принципе («Согласились бы вы со следующим утверждением: «Система распределения выпускников ВУЗов является гарантией их права на труд»?), обсуждение на фокус-группах сразу же строилось вокруг беларусской системы распределения, т.е. с приставкой «обязательное»:

> *«Скорее, система распределение выпускников — это не право на труд, а обязанность, потому что если бюджетник не хочет пользоваться этим правом, то государство обращается в судебную систему»*; *«Потому что распределение — это не право, а обязанность. У тебя нет выбора: идти — не идти, а тебя заставляют»*.

Показательна ситуация обсуждения на одной из студенческих фокус-групп, когда вопрос распределения возник в контексте обсуждения другой темы, и, как минимум, десять минут горячо обсуждался весь «ужас» системы распределения, несмотря на попытки модератора вернуть разговор в запланированное русло. Когда же вопрос был поставлен специально, большинство участников согласились, что сама по себе система приемлема, единственное пожелание: чтобы предлагаемая работа хоть немного соответствовала квалификации и жизненным устремлениям молодых специалистов. Можно сказать, что вопрос о распределении в большинстве случаев вызывает амбивалентную реакцию: с одной стороны, возмущение

практикой реализации, но и признание справедливости и даже необходимости такой системы как некой социальной гарантии для молодых специалистов, с другой стороны. Можно предположить, что такое отношение связано еще и с тем, что никаких других способов гарантировать молодым специалистам реализацию права на труд респонденты не знают и не воображают, соответственно, при всей порочности практики распределения вынуждены признавать ее в качестве наименьшего зла.

Необходимо также отметить, что постепенно распространяется представление о распределении как о «договоре» между будущим специалистом и государством:

> *«С одной стороны, когда ты поступаешь в ВУЗ, ты уже знаешь, что тебя это ждет, т.е. ты поступаешь бесплатно, ты учишься и ты знаешь, что тебя это ждет, ты делаешь свой выбор и поступаешь. Нет, конечно, это в чем-то ущемление твоих прав на свободу. Но здесь у тебя, в принципе, тоже есть выбор: хочешь — учись, хочешь — нет. Т.е. государство тебе сразу изначально говорит об условиях».*

С другой стороны, некоторые участники обращали внимание на то, что это противоречит реализации права на образование:

> *«Ну, например, у нас в медицинском университете одна из самых больших оплат за обучение. У нас кто может себе позволить такую плату? Не все люди. Поэтому человек реализует свою мечту стать врачом, он поступает на бесплатную форму обучения, потому что он не может заплатить, и учится, старается, получает «красный диплом», а потом ему говорят: «Раз ты такой умный, езжай подымать село. Ты там будешь первым человеком».*

Многие респонденты отмечали, что система распределения в ее нынешнем состоянии не только ущемляет некоторые права и разрушает социальные, семейные связи, но и не способствует эффективному использованию трудовых ресурсов, когда талантливых выпускников отправляют работать по распределению в места, где они не только не имеют шансов для развития, но и теряют квалификацию.

Гораздо менее актуализированной, если судить по результатам исследования, является тематика гендерного равенства. Практически все участники фокус-групп соглашались с тем, что мужчины и женщины в Беларуси равны в правах, хотя есть некоторые препятствия для реализации некоторых из них. Основная сфера, в которой эти препятствия возникают, — профессиональные и трудовые отношения. Основными проявлениями неравенства выступает нежелание работодателей брать на работу девушек в силу высокой вероятности предоставлять им в скором времени длительный оплачиваемый отпуск по беременности и уходу за ребенком (хотя на одной из фокус-групп был приведен прямо противоположный пример: женщин охотнее берут на работу, потому что им можно меньше платить, *«поскольку им не надо содержать семью»*). Вспоминались и сферы, в которых ущемляются права мужчин: прерогатива матери на то, чтобы дети при разводе остались с ней, например. Однако обсуждение этого вопроса носило очень размытый характер, респонденты постоянно ловили сами себя на противоречиях и сомнениях, с чем связан тот или иной случай: с дискриминацией или природными различиями. Один из показательных моментов обсуждения этого вопроса — это экспрессивный призыв явно феминистически настроенной участницы одной из фокус-групп назвать *«пять реально влиятельных женщин в Беларуси»*. Когда в ответ ее попросили назвать *«пять реально влиятельных мужчин»*, она стала перечислять членов семьи Лукашенко.

Еще одно из основополагающих прав, представления о котором «прощупывались» в ходе фокус-групп, — это защищенность от пыток. Для этого участникам предлагалась модельная ситуация: заминированное здание, возможность получения информации от преступников, позволяющая предотвратить взрыв. В целом, можно сказать, что мнения участников фокус-групповых дискуссий разделились если не поровну, то с не очень значительным перевесом противников применения пыток, однако интересна мотивация этих позиций. Если мотивация допускающих применение пыток достаточно ожидаема («принцип Талиона», примат общественного блага над личным, предотвращение большего вреда путем причинения меньшего), то реакция противников пыток стала некоторой неожиданностью. Можно выделить два наиболее распространенных типа объяснения отказа от пыток в этой ситуации. Первый основан на недоверии к любым спецслужбам и любым «правоохранительным органам» (вообще, обсуждение этого вопроса косвенным образом свидетельствует о том, насколько в Беларуси искажены восприятие роли институтов охраны правопорядка). В принципе, при этом типе объяснения обсуждается только возможная злонамеренность или некомпетентность спецслужб, и это есть достаточный аргумент. Второй наиболее распространенный тип объяснений связан с представлением о нерациональности пыток: дескать, нет уверенности, что пытки приведут к искомому результату, нет уверенности, что это именно преступники и т.п. Аргументы, основанные на ценности человеческой жизни и недопустимости насилия, звучали гораздо реже и были основаны скорее на религиозных воззрениях.

Однако наибольшие сложности вызвала та же ситуация, вывернутая в пространство личного выбора, когда участникам фокус-групп было предложено поставить себя на место спецслужб и принять решение о собственных действиях в такой ситуации. Ситуация морального выбора оказалась практически неподъемной для большинства участников (причем независимо от того, какой позиции по отношению к возможности пыток они придерживались). Гипотеза состояла в том, что большинство ответов в этой ситуации будет сводиться к «не знаю, как бы я повел себя в такой ситуации», однако даже такие ответы можно пересчитать по пальцам. Большинство же участников делало всё, чтобы вообще уйти от ответа на этот вопрос, перечисляя причины невозможности возникновения такой ситуации в принципе, рассуждая о разных способах эвакуации населения в течение пяти минут, химических и психологических спецсредствах, действенности физического насилия и т.п.

Таким образом, можно говорить о том, что в беларусском обществе бытуют весьма разнородные и часто противоречивые представления о равенстве прав и критериях ограничения этого равенства. Одно из существенных искажений в процессе трансляции норм в области прав человека состоит в переинтерпретации принципа «всеобщности» прав человека. Отсутствие концептуального представления о правах человека не позволяет обсуждать их принципиально, все обсуждения сводятся к обсуждению частных примеров и случаев из жизни. Бытовые представления доминируют над любыми нормативными представлениями о правах человека. Еще один вывод (возможно, несколько категорический) состоит в том, что у большинства участников фокус-групп (и, вполне возможно, у беларусов в большинстве своем) нет достаточно определенного и четко выраженного отношения к правам человека в целом. Большинство высказываемых мнений неустойчивы, респонденты не активны в защите своих тезисов, легко отказываются от них или меняют их в ходе дискуссии.

3. Защита прав, представления о правозащитной деятельности

Абсолютное большинство участников фокус-групп считают, что права человека в Беларуси нарушаются. Очевидно, что практически все участники осведомлены о нарушениях свободы слова и свободы собраний. Отметим, что довольно часто встречаются ссылки на прошлогодние молчаливые акции протеста, причем среди очевидно аполитичных респондентов. При этом существует довольно большой зазор между теми правами человека, которые нарушаются в Беларуси «вообще», и нарушениями прав человека применительно к респондентам лично. Например, явно или косвенно, большая часть респондентов отмечала отсутствие в стране демократических выборов, однако нарушение права на свободные выборы в качестве своего личного права, которое нарушается, было упомянуто всего один раз.

Отношения и установки по поводу защиты своих прав в случае нарушения их государством довольно сильно отличаются, в том числе в зависимости от наличия личного опыта взаимодействия с государственными (особенно судебными) органами. Довольно часто встречаются суждения, что возможность защитить свои права определяется в первую очередь тем, о каких правах идет речь: респонденты выделяют политические и гражданские права как те, защитить которые в Беларуси невозможно. Достаточно часто упоминаются некоторые международные структуры (ООН, Гаагский суд), к которым можно апеллировать в защите прав человека, однако по большей части эти рассуждения носят весьма абстрактный характер (предполагается, что путь такой существует, но успешность действий в этом направлении представляется весьма сомнительной). Кроме того, участники называли ряд вариантов защиты, которые обсуждались с достаточной долей серьезности, а именно: друзья, связи, независимые СМИ, социальные сети. Один-единственный раз за время проведения фокус-групп в качестве возможного механизма защиты своих прав были названы правозащитные организации:

> *«Праваабарнчыя цэнтры. Іх толькі трэба ў пошук увесці, у Інтэрнэце пра іх інфармацыя ёсць. Там ёсць адукаваныя, граматныя юрысты, якія могуць табе дапамагчы».*

Однако, судя по первой реакции, большинство придерживается не раз выражаемой вслух позиции: «*Беларусы скорее попытаются избежать проблемы, чем ее решить*» — в том смысле, что проще смириться с нарушением права, чем пытаться восстановить его в ситуации, когда это практически невозможно.

Представления о правозащитной деятельности и правозащитниках также весьма размыты. Начнем с того, что само слово «правозащитник» имеет множество интерпретаций, в которых доля нормативно-правильных представлений не очень высока. Так, на вопрос «Знаете ли вы, кто такие «правозащитники»?» встречались ответы и рассуждения типа:

> *«Адвокаты. У меня первая такая ассоциация»*; *«Мне кажется, правозащитник — это вообще любой заинтересованный гражданин, даже какой-нибудь завуч школы. Ей кажется, что что-то нарушается, с точки зрения образования, она берет какую-то позицию и пытается довести до отдела образования, что что-нибудь, где-нибудь нарушено, что-нибудь доказывает и защищает права. Т.е. любой человек, задавшись целью, может быть правозащитником»*; *«Ну, вот, знаете, в определенных случаях можно привести в качестве примера ту же милицию. В принципе, они же не всегда задерживают людей, но и если что-то украли в доме, если избили, то в милицию сразу*

обращаемся. Прокуратура может ими быть. Т.е. если вы желаете защитить свои права и не платить за это деньги, можно обратиться в прокуратуру, они представят ваши интересы: семейные, трудовые и т.д. Адвокаты — то же самое»; *«Может быть, существуют группы определенные, политически несвязанные. Например, Союз белорусских женщин, Союз футболистов. И, соответственно, они внутри себя определяют какие-то права: футболист не может быть без нарушений дисквалифицированным, как пример. И вот существуют организации: Союз футболистов, который в случае нарушения — на локальном, на международном уровне — разрешает ситуации, которые возникают. Это, возможно, правозащитники в спортивной сфере».*

Более близкие к адекватному понимаю правозащитной деятельности интерпретации также чаще всего довольно размыты:

«Нет, адвокат — это что-то другое. Адвокат — это тот, кто в суде конкретно занят. Правозащитники — они занимаются естественными правами человека, Конституцией, Декларацией прав человека...»; *«Люди, которые могут дать консультацию о ситуации, в которой ты не знаешь, что делать, связанной с твоим столкновением с государством»*.

В качестве наиболее полного и адекватного ответа за всё время проведения фокус-групп можно «засчитать» следующий:

«Занимаются мониторингом, чтобы права человека соблюдались, могут выступать в защиту людей, у которых эти права нарушены».

Знания о деятельности беларусских правозащитников чаще всего исчерпываются знаниями названий некоторых организаций и имен. На уровне названий и имен практически на каждой фокус-группе назывался Правозащитный центр «Вясна» (однозначно ассоциируемый с Алесем Беляцким), а также — гораздо реже и менее уверенно — другие организации и правозащитники: Елена Тонкачева, Центр правовой трансформации, Беларусский Хельсинский комитет, Рух «За Свабоду». Некоторые представления о деятельности (а не только существовании) беларусских правозащитников удалось выявить только у студентов:

«Просто наблюдатели, которые могут составить отчет, послать в Люксембург, чтобы там еще одну экономическую санкцию ввели, еще одна сотня чиновников попала под запрет»; *«Мониторингом занимаются, т.е., если почитать, Центр правовой трансформации по делу Беляцкого написали резолюций пятнадцать. БКХ тоже по делу Беляцкого писал свою резолюцию. Выносят это всё на суд, они представляют свое мнение — вот, чем они занимаются, т.е. они помогают найти истину»*; *«Что-то делают, конкретно что-то делают: и молодежь обучают, и семинары организовывают, и аккумулируют у себя средства на защиту. Вся защита во время судебных процессов над участниками событий 19 декабря обеспечивалась за счет «весновских» денег»*.

Однако эти случаи единичны (и практически исчерпываются приведенными цитатами), большинство же участников фокус-групп вообще предпочитали отмалчиваться при обсуждении этих вопросов.

В целом, по критерию наличия более-менее адекватных знаний о правозащитной сфере можно выделить четыре группы респондентов (количественно очень неравновесно представленных):

1) имеющих представление о том, что такое правозащитная деятельность как таковая, и немного знающих о деятельности правозащитников в Беларуси (эта группа самая малочисленная);

2) имеющих представление о правозащите вообще, но практически ничего не знающих о деятельности правозащитников в Беларуси;

3) знающих о деятельности правозащитников в Беларуси, позитивно оценивающих ее, но практически не имеющих представлений о том, что такое правозащитная деятельность;

4) весьма смутно себе представляющих, что такое правозащита и правозащитники (на уровне смешения правоохранительной и правозащитной деятельности, правозащитников и адвокатов и т.д.) (эта группа количественно наиболее представлена).

Отношение к деятельности правозащитных организаций в целом можно охарактеризовать как отстраненно-одобрительное. Можно предположить, что отстраненность этого отношения в наибольшей степени связана с двумя факторами:

1) низким уровнем знания о деятельности беларусских правозащитников;

2) отсутствием веры в возможность противостоять государству.

Большинство респондентов, которые были в состоянии ответить на эти вопросы, считают, что в идеале государство должно либо *«никак не относиться»* к деятельности правозащитных организаций (*«Не помогать, и не мешать»*), либо поддерживать их деятельность:

> *«Государство должно всячески поддерживать их деятельность. Потому что государство — не всевидящее око, и если оно является гарантом соблюдения прав человека, то правозащитная организация должна быть как правая рука. Т.е. где-то нарушили право, они помогают государству навести порядок»* (студентка из Могилева).

Наиболее лаконичный и точный ответ на вопрос о том, а как беларусское государство относится к деятельности правозащитников, был получен от одного из предпринимателей:

> *«Беляцкого посадили, вы знаете? Так о чем вы спрашиваете?».*

Оговоримся еще раз, что на каждой фокус-группе эти вопросы были способны обсуждать максимум 2-3 человека, собственно, как и следующий блок, связанный с вопросами роли международного сообщества в соблюдении прав человека.

Не смотря на ограниченный круг людей, включенных в обсуждение механизмов влияния международного сообщества на страны, в которых не соблюдаются права человека, спектр мнений оказался достаточно широк. Можно выделить несколько основных позиций, которые были представлены на фокус-группах:

- Безоговорочное согласие с тем, что международное сообщество может и должно применять санкции в случае нарушения прав человека (*«Я считаю, что это правильно. Кто же еще поможет?»*), однако характер этих санкций должен зависеть от меры нарушений (при этом определить хотя бы очень условно «меру нарушений», позволяющую переходить, например, от визовых санкций к военному вмешательству, так и не удалось).

- Постулирование различий в подходе к странам, подписавшим Всеобщую декларацию прав человека (по отношению к которым правомочно вмешательство международного сообщества), и к странам, которые Декларацию не подписывали (*«Если государство подписало Декларацию прав человека, т.е. согласилось на международном уровне выполнять все эти права, а потом систематически нарушает права человека, то, да, международное сообщество должно вмешаться. Но если какой-нибудь там Мозамбик, который в глаза не видел эту Декларацию, не подписывал, то какое право международное сообщество имеет вмешиваться? Ну, максимум, людей оттуда забирать в более благополучные страны»*).

- Категорические несогласие с возможностью вмешательства других стран или международных структур в дела государства. Мотивация этой позиции может быть разная: от ссылок на национальный суверенитет или нарушение прав человека в результате такого вмешательства (*«Если они применяют силу, они же сами нарушают права тех же людей... Тогда, за что они выступают?»*) до рассуждений о том, что *«От добра добра не ищут»* и увеличение масштаба структуры не приводит к благим результатам (*«Я пришел к выводу, что нельзя никаких санкций вводить. Опасность в том, что мы придем к чему-то новому, против чего уже никаких санкций не введешь. Однажды образовалось государство, как хорошая штука, чтобы регулировать жизнь людей, а теперь мы решаем вопросы, как регулировать государство. Так стоит ли образовывать еще большую вещь?»*).

Примерно таким же образом разошлись мнения участников и в оценке европейской политики по отношению к Беларуси. В оценке мотивов введения санкций мнения разделились примерно поровну: от убеждения или осторожной веры в то, что политика ЕС направлена на демократические изменения в Беларуси (*«Я хочу верить, что это те цели, которые они декларируют: стимулирование госаппарата предпринять какие-то шаги к изменению ситуации»*; *«Главный эффект, который ждет ЕС, — недовольство граждан, которое приведет к требованию смены власти или власть это предвидит и сама начнет меняться»*) до приписывания ЕС мотивов, никак не связанных с укреплением демократии и правами *человека* (*«Мне кажется, что это всё связанно с глобализацией, мировым рынком, завоеванием белого пятна на карте»*; *«Мы тоже должны понимать, что тот же ЕС преследует свои интересы какие-то своеобразные. Любые власть имущие организации — у них у всех своя идеология»*). При этом эффективность действия санкций со стороны ЕС практически всеми оценивается как крайне низкая (на одной из фокус-групп попытка рассказать, что эти санкции действуют на *«простых беларусов»*, была дружно «задавленная» остальными участниками; еще одно рассуждение касалось возможного влияния санкций на выпуск политзаключенных; в основном же, рассуждения строились по типу, *«как санкции ЕС ни на что не влияют»*). Встречались случаи, когда противники санкций, считающие, что ЕС действует исключительно в своих корыстных интересах, с увлечением обсуждали, почему именно введенные санкции не действуют и как они должны быть ужесточены, чтобы добиться эффекта. Подобного рода «раздвоение» свидетельствует о неустойчивости и непродуманности позиций по этим вопросам,

которые на обывательском уровне схватываются частями, без формирования целостности проблематики и без личностного отношения. Однако кроме обвинений ЕС в том, что они не умеют вводить эффективные санкции, встречались и позиции, основанные на представлении о том, что корни проблемы не в Европе, а в Беларуси (правда, довольно-таки пессимистичные):

> *«Санкции действуют на страну, в которой хотя бы что-то возможно. В Беларуси же это невозможно»*.

Подводя итоги данного раздела, необходимо отметить, что при достаточно негативной оценке ситуации с правами человека в стране, представления о путях преодоления этих проблем у беларусов весьма размыты. Правозащитная деятельность как таковая для большинства не выступает способом преодоления проблем в сфере прав человека зачастую просто в силу незнания и противоречивых представлений о ее сущности. Наиболее информированными о правозащите как таковой и деятельности беларусских правозащитников оказались студенты, для остальных социальных групп эти вопросы явно находятся на периферии жизненных интересов. Среди студентов также больше сторонников активной политики ЕС по демократизации Беларуси, в том числе посредством расширения санкций. Однако чаще всего оценки политики ЕС также достаточно поверхностны, хотя и даются с высокой степенью категоричности.

Общие выводы

Результаты фокус-групп показывают, что содержание представлений участников относительно тематики прав человека и связанных с ней вопросов достаточно бедно. Это не значит, что такие представления отсутствуют. Скорее, можно говорить о том, что респонденты «выхватывают» отдельные и достаточно случайные аспекты из всего комплекса знаний о правах человека и не связывают их в сколько-нибудь целостную структуру. Права человека выступают для респондентов чем-то вполне очевидным, знакомым, понятным, однако в подавляющем большинстве случаев они не способны раскрыть содержание «как бы известных» им понятий и концептов. Представления в большей части опираются на бытовые рассуждения, частные ситуации столкновения с нарушениями прав, смешиваются с понятиями права и закона, замещаются или даже входят в противоречие с другими знаниями и установками социально-гуманитарного плана (о государстве, человеке, обществе, политике, праве и т.д.). Можно говорить о том, что понимание сути и смысла прав человека у респондентов весьма противоречиво, эклектично и хаотично. Такая ситуация в целом связана с общим низким уровнем гуманитарных знаний, без которых представления о правах человека лишаются своего натурального контекста и «повисают в воздухе». Это делает их еще более абстрактными и оторванными от других поведенческих установок и регулятивов респондентов. С достаточной долей уверенности можно говорить о том, что участники фокус-групп в собственной жизни и деятельности не руководствуются представлениями о правах человека, и последние остаются для них в большей степени формальным знанием.

Слабый уровень знаний о правах человека в целом определят и слабую выраженность различий между социально-демографическими группами. Относительно других лишь студенты обладают более широким набором знаний, который объясняется образовательным контекстом. Тем не менее, эти знания у молодежи еще более противоречивы и запутаны, чем у респондентов из других групп. То же самое можно говорить и о различиях в представлениях между участниками из Минска и периферийных городов. Региональные участники фокус-групп обладают таким же небогатым объемом представлений, но более замкнуты и менее склонны к свободному и открытому обсуждению тематики прав человека. Различия определяются скорее по кругам общения, уровню образования, социальному статусу и т.д. При этом на уровне говорения респонденты проводят четкое отделение себя от других групп (у нас, бюджетников, свои проблемы, у частников — свои), хотя по реальному содержанию представлений таких отличий практически не наблюдается. Фактически, это вскрывает своеобразный эффект самоизоляции и раскола между группами беларусского общества (и даже личностной атомизации), когда реальная общность проблем не осознается в качестве таковой.

Одной из главных характеристик содержания представлений о правах человека является приписывание им натурального, практически природного статуса. Подавляющее большинство участников фокус-групп воспринимают права человека не как культурное и социальное порождение, а как нечто существующее естественно (и даже знание истории философской мысли по этому поводу и истории появления Всеобщей декларации прав человека не изменяет этого восприятия). Права человека воспринимаются не как сотворенные человеком, а как сущность, возникшая «сама по себе». Такое отношение определяет и представления о возможности людей что-либо делать с правами человека: внедрять, утверждать, отстаивать их. Трактовка прав (и прав человека — в их числе) идет через конкретику опыта, респонденты «претерпевают», «переживают», «сталкиваются» с ними. Как принцип или идеал, требующий

организованной работы по реализации и воплощению его в жизнь через сознательную деятельность людей, права человека воспринимаются в единичных случаях.

Проблемы реализации прав человека в Беларуси, а также представления о деятельности правозащитников являются для респондентов фоновыми, находящимися на периферии их знаний и представлений. Участники фокус-групп слышали об этом, но не более чем на уровне узнавания, глубоко раскрыть содержание, подробно рассуждать, свободно оперировать этим знанием они не могут. В целом, поддерживать дискуссию по принципиальным вопросам прав человека и правозащитной деятельности достаточно сложно, у респондентов отсутствует устойчивая точка зрения, которую они хотели бы отстаивать в случае сторонней критики. Для более эффективной реализации целей и задач правозащитной деятельности в Беларуси требуется корректировка представлений целевых групп о правозащитниках и правозащитной деятельности. Одним из наиболее существенных изменений в информационной политике может стать перенесение акцента в позиционировании правозащиты как особого вида деятельности, связанного исключительно с защитой, продвижением, мониторингом прав человека, в отличие от других типов деятельности, связанных с правом и законом.

Приложение 1. Гайд фокус-группового исследования

Вводная часть: представление, рассказ о теме и проблематике исследования, правилах проведения фокус-групп, знакомство участников.

1. Блок «Государство-индивид-гражданин»:

Как бы вы охарактеризовали отношения между человеком и государством в Беларуси?

Считаете ли вы, что эти субъекты сейчас сосуществуют в гармонии?

Выполняет ли государство по отношению к своим гражданам (лично к вам) свои обязательства? А в чем они заключаются?

А граждане (лично вы) выполняют ли по отношению к государству свои обязательства? В чем они состоят?

Считаете ли вы допустимым и оправданным:

- уклонение от службы в армии?
- уклонение от уплаты налогов?
- ездить в транспорте без билета?

Как вы считаете, отвечают ли люди:

- за действия правительства?
- за то, что происходит в стране?

С какими проблемами в отношениях с государственной властью сталкиваются чаще всего такие люди, как вы?

Когда мы говорим «государство», кого мы имеем в виду? Кто такие «чиновники»?

Как вы думаете, чем руководствуются беларусские государственные служащие, принимая решения в области государственного управления?

Чувствуете ли вы себя защищенными от произвола со стороны властей, милиции, ГАИ, налоговых органов, судов, других государственных структур? Если нет, то нарушение каких прав вас беспокоит в первую очередь?

Блок 2. Права человека:

Что такое «права человека»? Какие права человека вы знаете? Есть ли среди них более важные и менее важные?

Есть ли разница между «правами» и «свободами»?

Откуда берутся права вообще и права человека в частности? Можно ли сказать, что их нам «дает» государство?

Согласились бы вы с таким утверждением: «Ответственность за соблюдение прав человека лежит только на государственных органах»? Кто и перед кем отвечает за соблюдение прав человека?

Во Всеобщей декларации прав человека сказано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Как вы относитесь к этому высказыванию? Относится ли оно ко всем людям? Есть ли люди, на которых права человека не распространяются? Например, убийцы, террористы, осужденные за массовые убийства, изнасилование несовершеннолетних и т.д.

Может ли государство ограничивать права человека для отдельных категорий? В каких случаях это допустимо?

Все ли должны пользоваться одинаковыми правами? Есть ли категории, которым должно быть обеспечено больше прав? Например, что должно сделать государство, чтобы обеспечить инвалидам право на свободу передвижения?

Согласились бы вы со следующим утверждением: «Система распределения выпускников ВУЗов является гарантией их права на труд». Почему?

Как бы вы прокомментировали такое утверждение: «В Беларуси мужчины и женщины пользуются равными правами»?

Представьте ситуацию, когда правоохранительные органы получили информацию, что в жилом здании заложена бомба. Считаете ли вы допустимым в этой ситуации причинение боли преступникам для получения информации, которая поможет предотвратить взрыв?

Как вы считаете, нужно ли отменить смертную казнь в Беларуси? Как вы относитесь к тому факту, что все страны Европы и СНГ не применяют смертной казни?

Как вы считаете, соблюдаются ли права человека в Беларуси? Если нет, то какие права нарушаются? Кто их нарушает?

Вы лично сталкивались с нарушением прав человека? Какие ваши права нарушаются?

Блок 3. Деятельность по защите прав человека:

Если государство нарушило ваши права, куда вы обратитесь в первую очередь?

Могут ли люди сами защитить свои права? У кого можно требовать защиты своих прав или помощи в отстаивании прав?

Знаете ли вы, кто такие «правозащитники» и чем они занимаются? Что вы знаете о беларусских правозащитниках и их деятельности в Беларуси? Как вы относитесь к их деятельности? Как вы считаете, как государство должно относиться к деятельности правозащитных организаций? А как в Беларуси государство относится к правозащитникам?

Считаете ли вы возможным, чтобы международное сообщество использовало силу или какие-либо способы давления для того, чтобы принуждать государства соблюдать права человека (там, где они не соблюдаются)?

Сейчас Евросоюз ввел некоторые ограничения в отношении Беларуси, которые принято называть санкциями. В качестве причин таких действий называются нарушения прав человека в Беларуси: наличие политзаключенных и пр. Как вы относитесь к такой политике ЕС? Считаете ли ее обоснованной? Имеет ли право ЕС так действовать? Как вы думаете, какие цели ЕС ставит? К каким результатам приведет такая политика?

ЦЭНТР ЕЎРАПЕЙСКАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ
CENTRE FOR EUROPEAN TRANSFORMATION

Представления беларусов
о правах человека и правозащитной деятельности

Отчет по результатам исследования

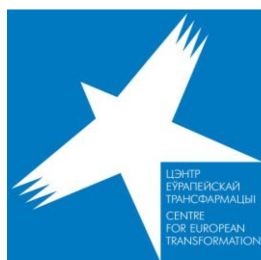
Авторы: **Оксана Шелест**, **Андрей Егоров**

Редактор и корректор: **Андрей Шутов**

Оксана Шелест — старший аналитик Центра европейской трансформации, кандидат социологических наук (*PhD*). Окончила отделение социологии Беларусского государственного университета, аспирантуру Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Фокус исследовательских интересов: трансформация религиозности, социальная коммуникация и коммуникативные технологии, методология и методика социологических исследований.

Андрей Егоров — директор Центра европейской трансформации, магистр политических наук. Окончил отделение политологии и магистратуру по специальности «Политология» Беларусского государственного университета. В области политических исследований работает с 2001 года. Фокус исследовательских интересов: трансформация постсоветского пространства, гражданское общество, политические трансформации в Беларуси и регионе Восточного партнерства, европейские исследования.

Центр европейской трансформации (ЦЕТ) — независимый беларусский *think-tank*, основанный в марте 2010 года. ЦЕТ входит в структуру Международного консорциума «ЕвроБеларусь».

Центр европейской трансформации
Минск, Беларусь

cet@eurobelarus.info
cet.eurobelarus.info
+375 29 6185388

 Facebook Twitter VKontakte